

Религия

Конфуцианство как гражданская религия: проблемы и перспективы

© 2019

М.А. Хаймурзина

Концепция гражданской религии сегодня приобретает значение для китайского социума. Религиозные традиции — ценности, символы, ритуалы, убеждения — связывают всех граждан в единое целое, определяя религиозную составляющую общественной жизни. Гражданская религия в Китае, фундированная конфуцианскими ценностями, призвана дать китайской нации полную общность интересов, чувств и мыслей.

Ключевые слова: конфуцианство, конфуцианская религиозность, гражданская религия.

DOI: 10.31857/S013128120005311-3

Конфуцианство интегрировано в китайскую культуру так, что оно неизбежно является предметом теоретических и эмпирических исследований. Жаркие споры о религиозной стороне конфуцианства уже в прошлом, факт наличия религиозного в конфуцианстве признан многими исследователями. В русле конфуцианских исследований последних лет находятся размышления о том, возможно ли в КНР учредить государственную религию, базирующуюся на конфуцианской традиции, или конфуцианство сможет развиваться в форме гражданской религии. В основе этих дискуссий, с одной стороны, настоящее возрождение конфуцианства, происходящее на фоне ностальгии по маоизму и антиконфуцианских настроений, с другой стороны, неоднозначные отношения политики и традиционной культуры. Тема конфуцианства как гражданской религии имеет комплекс политических, социальных и культурных подтекстов.

Изменение отношения к религии

В Китае изменилось отношение к религии, хотя религиозная политика, основанная на атеизме, в целом сохраняет свои позиции. В течение XX в. китайские интеллектуалы трактовали религию негативно, что явилось следствием знакомства с европейским Просвещением, а позже — воздействия радикального марксизма-ленинизма-маоизма. Европейское Просвещение стало основой антирелигиозных настроений во время «Движения за новую культуру» в 1910-е — 1920-е годы. Позже идеология марксизма-лениниз-

Хаймурзина Марина Ахатовна, кандидат философских наук, доцент кафедры китаеведения Амурского государственного университета (г. Благовещенск). E-mail: mfaizova@yandex.ru.

ма-маоизма подавляла религию как реакционную социальную и политическую силу. Ультралевый режим пошел еще дальше в 1966–1979 гг., но эта тенденция, как известно, потерпела крах с приходом к власти Дэн Сяопина. Представителям ряда религий была дана свобода распространять свои убеждения, в религиоведческой науке взяли курс на приобщение к зарубежным немарксистским религиоведческим теориям и преодоление узкого взгляда на религию как сугубо реакционное явление¹.

Жэнь Цзюй (1916–2009)² — один из тех, кто критиковал конфуцианство. В 1964 г. он был выбран Мао Цзэдуном для организации Института мировых религий, чьей миссией было критиковать теизм и громить религию при помощи марксизма-ленинизма-маоизма. После окончания культурной революции Жэнь Цзюй продолжил нападки на конфуцианство как религию, обвиняя его в социальных и политических проблемах Китая. Хотя в его взглядах очевидно влияние марксистской идеологии и наследия культурной революции, тем не менее его концепция конфуцианской религии стала импульсом к переоценке конфуцианского культурного наследия в условиях коммунистического Китая в конце XX — начале XXI в.

Определение Жэнь Цзюем конфуцианства как религии изначально встретило неоднозначную реакцию со стороны большинства религиоведов, философов и историков. Однако в начале XXI в. Ли Шэнь, его ученик, использовал утверждения Жэнь Цзюя в своей двухтомной работе «История конфуцианской религии». Неожиданно, но многие исследователи конфуцианства воспрянули и отозвались на эту публикацию. Вероятно, они ждали возможности высказать недовольство по поводу нападок на конфуцианство. Но их недовольство было сопряжено с уважением к основателю Института мировых религий. Поэтому книга Ли Шэня оказалась хорошей мишенью для критики. В это время интернет-сайт www.confucius2000.com стал важной платформой обсуждения конфуцианства.

На смену верноподданым марксистам и секулярным либералам пришло новое поколение — материковые современные (новые) конфуцианцы³, которые заявили, что конфуцианство должно быть религией наравне с другими мировыми религиями. Кто-то даже пошел дальше, утверждая, что конфуцианство — лучшая религия из-за ее рациональности и гуманистичности, исключающих религиозные войны и экстремизм, которые зачастую становились следствиями религий, основанных на иррациональной вере в трансцендентное. Такие суждения, конечно же, не говорят о высокомерии исследователей, в большей степени — это лишь пример религиоведческого незнания, вызванного атеистическим образованием в Китае во второй половине XX в.

Сегодня термин «религия» в китайской исследовательской литературе обладает ценностным и духовным содержанием. Многие интеллектуалы уже далеко ушли от официальных трактовок религии. Культурологический подход в религиоведении стал ключом ко всем этим изменениям.

Конфуцианство как государственная религия

В конце XX — начале XXI в. в академической науке КНР, в том числе и в рамках материкового современного конфуцианства, были сделаны важные заявления о необходимости возрождения конфуцианства для нравственной реконструкции Китая и недопущения развития либеральной демократии; начали говорить о становлении конфуцианства в качестве государственной религии (*гоцзяо*). У материковых конфуцианцев разные позиции относительно данных утверждений, однако большинство, если не говорят о явной необходимости данных инициатив, то указывают на их желательность. Но в силу социального, культурного, политического контекста и представители мягкой позиции «желательности», и представители жесткой позиции «необходимости» далеки от достижения поставленных целей.

Проблемы, связанные с провозглашением конфуцианства в качестве государственной религии.

Во-первых, религиозное измерение в конфуцианстве очень слабо. Сегодня уже признано, что конфуцианству присущи религиозные элементы, многие согласны, что в конфуцианстве есть сверхъестественное (трансцендентное) Небо; трансцендентны также Небесный мандат и Небесный принцип⁴. Однако другие полагают, что эти понятия достаточно зыбкие и связанная с ними сакральность — неуловима⁵. Конфуцианство никогда не было источником духовной истины — *аньшиэнь лимин*⁶ — для всех, а лишь для небольшого числа интеллектуалов, поскольку тонкая конфуцианская религиозность не была обращена к таким экзистенциальным вопросам, как, например, смерть. Поэтому если конфуцианство и провозгласят государственной религией, то останется главная проблема — формирование конфуцианской сакральности среди населения⁷.

Во-вторых, будет ли государство пропагандировать конфуцианскую религию через государственный аппарат? С одной стороны, форсированная пропаганда веры не может сформировать конфуцианскую религиозность среди населения. С другой стороны, учитывая историю взаимоотношений марксизма и конфуцианства, в ближайшей перспективе — это невозможно. Марксистская идеология пришла в Китай в контексте антитрадиционных и антиконфуцианских настроений, которые сильны и в современном китайском обществе. «Идеология марксизма-ленинизма-маоизма с 1949 г. де факто является государственной религией, и в этой связи, в отличие от становления государственной религии, частичная конфуцианизация КПК — возможна»⁸, а если учитывать связь современных политических лозунгов с конфуцианскими представлениями⁹ — реальна.

В-третьих, становление конфуцианства в качестве государственной религии — опасно для общества. Обращаясь к истории, можно обнаружить, что государственная религия выливается в диктаторство, нарушение прав человека, религиозные и этнические войны. Некоторые представители материкового современного конфуцианства предлагают легкую (умеренную) версию государственной религии, смоделированную по образцу англиканской церкви (например, Цзян Цин¹⁰), где конфуцианство имело бы привилегированную роль. Но это архаично. Отделение государства и религии — новый принцип современных реалий. Сейчас модель «нация — религия» близка к вымиранию среди индустриальных сообществ. Религиозный плюрализм стал неизбежностью в процессе глобализации и индустриализации.

В-четвертых, существует проблема религиозной принадлежности. Если конфуцианство признать в качестве религии, то смогут ли китайские буддисты, даосы и христиане считать себя последователями конфуцианства? Многие считают, что конфуцианство синонимично китайской культуре, это общее культурное наследие для большинства китайцев в Китае и за рубежом. Если окажется, что конфуцианство принадлежит только конфуцианским последователям, то как с ними будут делить общее культурное наследие другие религии? Конечно же, принципы религиозной свободы дают право конфуцианцам создать свою религию и потребовать государственного признания. В Индонезии, например, конфуцианство — одна из шести официальных религий, однако число ее последователей незначительно. Известны религиозные синкретические группы на Тайване, по сути являющиеся конфуцианскими. Их последователи занимаются изучением конфуцианской классики, которая входит в каноническую литературу этих групп и используется при формировании религиозных ритуалов. В реальности эти синкретические организации (*Игуаньдао*, *Сюаньюаньцзяо*, *Тяньдицзяо*) не зависят друг от друга и не связаны с конфуцианством в целом. Другими словами, провозглашение конфуцианства в качестве религии может вылиться в появление не одной, а нескольких конфуцианских религий. Маловероятно, что кого-то устроит такой сценарий¹¹.

Конфуцианство как гражданская религия

В отличие от идеи государственной религии, более вероятным сегодня является становление в Китае религии гражданской (*гунминь цзунцзяо*), в основе которой будет лежать конфуцианство, поскольку большая часть населения разделяет общее культурное наследие и большинство конфуцианских ценностей. Подчеркнем, что нет гражданской религии без общих ценностей.

Важным наследием традиционного конфуцианства являются символы, принципы и ценности, ставшие уже «привычкой сердца» и формирующие отношение к семье, работе, образованию и другим элементам повседневной жизни, наделяемым особым значением и важностью. Именно в плоскости личной этики и нравственности реально воплощение гражданской религии. Отметим, что идея гражданской религии полностью соотносится с позицией руководящей власти об упрочнении гражданского сознания и усилении государственной идентичности — идентификации каждого, вне зависимости от национальности, в качестве гражданина единого государства¹².

Один из первых в КНР, кто сформулировал определение конфуцианства как гражданской религии, — Чэнь Мин (р. 1962), председатель Центра конфуцианских исследований при Институте мировых религий Академии общественных наук Китая.

Чэнь Мин считает, что конфуцианство является неорганизованной религией. Для нее характерно объединение догм, ритуалов и организации с секулярной социальной жизнью. Ритуалы и догмы в нем не выделены в независимую сферу, как в организованных религиях. Такая религиозная система, не обладающая собственной строгой формой, опирается в своем развитии на общество¹³.

Гражданская религия строится на базе традиционной религии, причем последняя задает ее форму. Гражданская религия, не нуждаясь в сильной структурной опоре, существует в нормах поведения, привычках и моральном сознании людей. В связи с этим конфуцианство в качестве гражданской религии способно решить ряд проблем культурной и политической идентификации, а также психологически важный вопрос *аньшиэнь лимин*. В конфуцианстве возможно найти ресурсы, которые могут стать ориентирами для всех: в нем есть собственные святыне (Яо, Шунь и т.п.), сакральные места (храмы), ритуалы (связанные с поклонением Небу и предкам). Одна из характеристик конфуцианства как религии заключается в том, что в прошлом оно играло связующую роль между правительством и народом. После крушения имперской системы конфуцианство осталось в сфере народных религий; на их основе его и возможно возродить. Чэнь Мин разграничивает понятия гражданской религии и политической теологии, полагая, что первая самостоятельно реализуется в обществе, а вторая — развивается государством. Конфуцианство в качестве гражданской религии будет отличаться от *гоцзяо* или системы, объединяющей политику и религию (*чжэньцзяо хэи*). В такой форме оно сможет конкурировать с демократическим режимом. В то же время конфуцианская гражданская религия обеспечит легитимность политической власти, так как ее символические инструменты неотделимы от власти¹⁴.

Размышляя над тем, зачем Китаю гражданская религия, исследователь пишет: «Почему человека можно рассматривать с религиозной точки зрения? Потому что у человека есть мышление, есть жизнь, есть смерть, перед ним стоят вопросы сакральности и трансцендентности. Человеческой натуре присущи универсальные чувства и мышление, священное есть конечное направление мышления. Почему государство можно рассматривать под религиозным углом зрения? Потому что повествование о священном — самый эффективный метод совершенствования ценностных концепций общества. Любая мораль и концептуальное общественное сознание очень важны для общественной поляризации и качества граждан. Общественный капитал такого общества получается из религии или культурной традиции. Действительно, культурная традиция, или традиционная

культура, должна включать мистический нарратив, поскольку отправной точкой культуры является начало жизни вообще, а жизнь начинается с мистического и священного, например, с благоговения перед Небом и следования предкам»¹⁵.

Чэнь Мин считает, что в настоящее время политическая перестройка и воскрешение конфуцианства — это две стороны единого процесса, поскольку потребность политики в символичности по-прежнему существует. Исследователь считает, что современные религиозные проблемы стали проблемами политическими, а политические проблемы, в свою очередь, решаются посредством культурных приемов. Поэтому конфуцианство как гражданская религия — это не просто возрождение культурных ресурсов с целью обеспечения механизма психологической и духовно-нравственной стабильности людей, это реальная социально-политическая потребность общества¹⁶.

Ян Фэнган, профессор социологии религии Университета Пердью в США, отмечает, что попытки сделать конфуцианство государственной религией обречены на провал, поскольку в конфуцианстве нет важных религиозных компонентов. Однако возможно воссоздать конфуцианство в форме гражданской религии, а христианство может стать неотъемлемой частью китайской культуры, обеспечивая идейный и институциональный ресурс для строительства китайской гражданской религии¹⁷.

Многие утверждают, что конфуцианство представляет собой особую форму религии: гуманистическую, мистическую и т.п. Они настаивают, что настоящие дефиниции религии — этноцентричны и исходят из западных стандартов. Действительно, большинство определений религии основаны на христианской модели. Отметим, что для Ян Фэнгана такой подход к религии — не просто западный стандарт, это современный стандарт в целом.

Дефиниция религии необходима. Ян Фэнган дает определение религии, основанное на концепциях Э. Дюркгейма и Э. Тейлора: «Религия — система веры и практики о жизни и мире сверхъестественном, которая связывает верующих или последователей в социальную организацию»¹⁸. В данном определении есть следующие элементы: вера в сверхъестественное; представление о жизни; ритуальные практики; социальная организация верующих. С помощью данного определения¹⁹ профессор классифицирует религиозные феномены и социальные.

Совершенные религии — это религиозные верования, в которых развиты все четыре компонента, полурелигии — это те религии, в которых те или другие элементы (например, система веры или организация) слабо развиты. Ян Фэнган выделяет также квазирелигии. Это такие системы веры, которые, по сути, внедрены в другие институты, не имея автономной организации. Сюда он относит и гражданскую религию, которая неотделима от государства, и культ предков, который неотделим от семьи. Согласно его точке зрения, квазирелигии — это диффузные религии, первичной функцией которых является усиление соответствующего секулярного института²⁰. Когда старое государство, организация (гильдия, семья) рушится, соответствующая квазирелигия тоже приходит в коллапс, и ее остаточные фрагменты сохраняются в фольклоре. Квазирелигиозное конфуцианство претерпело кризис во время упадка династической системы. Кан Ювэй инициировал движение за конфуцианскую религию, которое было связано с монархией. После того как традиционная имперская система была окончательно разрушена, конфуцианская религия тоже исчезла, хотя были остаточные движения вне основных тенденций китайского общества, например, в Гонконге и в Индонезии. Однако слабости конфуцианства как религии, считает Ян Фэнган, для гражданской религии могут оказаться, напротив, преимуществами. Гражданская религия, в отличие от развитой религии, может воплощаться в жизнь через мелкие институты (например, школы) и быть признанной всеми религиями в данном сообществе²¹.

Ян Фэнган подчеркивает, что гражданская религия — это совокупность веры и практики, основанная на прошлом, настоящем и будущем людей или нации, и понимае-

мая в трансцендентальной форме. Гражданская религия исходит от людей, но также связана с властью, поскольку является основой недопущения ошибок политическими лидерами. Она обеспечивает национальную идентификацию, служит основой социальной сплоченности. Гражданская религия укрепляет патриотизм. Анализируя американское общество, Ян Фэнган указывает, что гражданская религия служит не для исключения каких-то конкретных религий, она помещает государство под власть Бога. Подобно США, Китай — многонациональное, многоконфессиональное государство. Сегодня Китаю, как и другим странам, стратегически необходимо культивировать среди населения государственную идентификацию. И в этом смысле гражданская религия могла бы помочь²².

Однако может ли конфуцианство быть гражданской религией без христианства? Согласно точке зрения Ян Фэнгана, — нет. Он глубоко верит, что христианство станет источником реанимации китайской культуры, ресурсом для становления гражданской религии в Китае. Профессор отмечает, что христианство уже получило широкое распространение среди китайцев. Например, в США более 30% китайцев считают себя христианами (включая католицизм и протестанство). В то же время примерно 20% китайцев идентифицируют себя с буддизмом. В КНР на долю протестантизма и католицизма приходится 70 млн верующих²³, и число христиан постоянно растет²⁴.

Сегодня перед конфуцианством стоит вызов, связанный с трансформацией феодальных пережитков. Центральные конфуцианские концепции — *сяо* (сыновняя почтительность) и *чжун* (преданность, верноподанность) нуждаются в современном переосмыслении. Примитивный возврат к прошлому равняется фундаментализму, что вредно для человека и сообщества. После событий «Движения за новую культуру» начала XX в., после того как люди узнали европейские ценности свободы и демократии, они не могут вернуться к имперскому принципу *чжун* (преданность, верноподанность) в его старом значении: «если императору надо, чтобы ты умер, ты должен умереть». «Как много людей согласятся практиковать традиционную *сяо*, запечатленную в романе Ба Цзиня “Семья”?» — задает вопрос Ян Фэнган. Профессор считает, что именно христианство будет способствовать преобразованию конфуцианской этики. Например, конфуцианский принцип «сыновняя почтительность» (*сяошунь*) можно заменить на христианский принцип «уважение к старшим» (*сяоцзин*). Традиционно в конфуцианстве подчеркивается сыновняя почтительность (*сяошунь*). В китайском христианстве существует понятие «уважение к старшим» (*сяоцзин*). Уважать родителей — одна из десяти заповедей, которая известна не только китайцам за рубежом, но и китайцам в Китае. Таким образом, Ян Фэнган говорит не про замену конфуцианского *сяо* чем-то новым. Напротив, он подчеркивает то, что уже есть в китайской культуре — христианский принцип «уважение к старшим» (*сяоцзин*)²⁵.

Подчеркнем, что гражданская религия, которую имеет в виду Ян Фэнган, основывается на христианстве и конфуцианстве. Такая гражданская религия будет сформирована не только для Китая, но и для всей Восточной Азии, Тихоокеанского региона, даже для всех «под Небом». Количество христиан растет в китайских сообществах (сегодня на Тайване около 5% китайских христиан, в Сингапуре — 15%, в Гонконге — 10%, в США — 30%). В США, Канаде, Австралии быстро растет число мигрантов из Восточной Азии. Азиатско-Тихоокеанский регион взаимодействует со всем миром на экономическом, социальном и культурном уровнях. Это взаимодействие, возможно, и породит в будущем глобальную гражданскую религию, основанную на конфуцианстве и христианстве²⁶.

Себастьян Бийу, профессор Парижского университета Дидро, проводит полевые исследования о влиянии конфуцианской культуры на разные сообщества Китая. Он выделяет две большие группы среди своих информантов: первая — объединения людей, открыто идентифицирующих себя с конфуцианством; вторая — общности, продвигающие элементы конфуцианской религиозности.

Первая группа, как указывает С. Бийу, представляет собой небольшие организации, где люди проповедуют конфуцианские ценности и изучают конфуцианские тексты. Основной миссией таких организаций является обучение других и распространение конфуцианского учения, что сопряжено с известной конфуцианской моделью «ученик — учитель». В процессе нравственного самосовершенствования учителем может стать любой, кто в процессе духовных поисков познал конфуцианскую истину *аньшэнь лимин* и другие важные конфуцианские принципы. Такие группы являют собой мелкие «конфуцианские клетки», постепенно укореняющиеся в обществе²⁷.

Во вторую группу попадают буддийские сообщества и другие синкретические организации. Например, французским профессором была проведена работа в рамках Луцзянского культурного центра в г. Танчи (пров. Аньхой), созданного в 2005 г. тайваньским буддийским монахом Сюй Ехуном (Xu Yehong), специалистом по буддизму Чистой Земли. В данной организации люди проходят «моральное усовершенствование», живут в течение шести месяцев и соблюдают «основные принципы поведения», сформулированные Сюй Ехуном, а также слушают лекции, например, о сыновней почтительности и отношении к родителям²⁸.

Такие феномены в современном китайском обществе, когда в буддийской организации пропагандируются важнейшие конфуцианские принципы, имеют исторические прецеденты, могут служить для иллюстрации механизмов развития и распространения конфуцианства в обществе. Сегодня этому способствуют многие факторы, в частности, доступ к конфуцианской классике и отсутствие барьеров для воспитания традиционных ценностей.

Конфуцианские элементы присутствуют и в синкретических религиозных организациях в КНР, например, в «Игуаньдао». С. Бийу участвовал в тренингах «сподвижников дао» (этот термин используется для обозначения участников данной организации). Он отмечает влияние на них текстов «Чжун юн» (интерпретированного как «учение об онтологии»), «Да сюе» (интерпретированного как «учение о самосовершенствовании»). Таким образом, конфуцианство формирует основу учения Игуаньдао. Возможно, это объясняется тем, что конфуцианство менее эзотерично и более доступно в сравнении с другими элементами, вплетенными в данную идеологию. Данная организация распространена в КНР среди среднего класса, зачастую среди людей без высшего образования или полного общего среднего образования. Исследователь полагает, что конфуцианство не связано со смыслами, привитыми идеологическим дискурсом маоистской эры, и потому адепты легко «проглатывают» конфуцианские ценности и принципы. Это представляет собой одну из форм реактивации конфуцианской религиозности²⁹.

Сегодня в Китае происходит обращение к традиционной культуре в целом, не только к конфуцианству. Однако масштабы этого обращения ограничены. Сдержанному отношению к конфуцианству в официальном дискурсе есть очевидные исторические причины (изначально КПК основывалась на антитрадиционных позициях, находилась в оппозиции ко всему старому, в том числе и к конфуцианству). Эпизодические ссылки на конфуцианство — от сценографии открытия Олимпийских игр до появления статуи Конфуция на площади Тяньаньмэнь в начале 2011 г., или именовании международной сети институтов культуры и китайского языка за рубежом (они известны как Институты Конфуция) — говорят о потенциале конфуцианства в деле идеологической перестройки страны. Однако в отличие, например, от Тайваня³⁰, в КНР — все неоднозначно и противоречиво. Власть проводит отдельные эксперименты в обществе (например, разрешает открывать конфуцианские школы), а не обращается к конфуцианству в полной мере. Политическое руководство выжидает, оценивая, насколько привьются конфуцианские инициативы. Участие властей в конфуцианских проектах объясняется следующими причинами: локальные экономические интересы (туризм), нужды нравственного и идеологического воспитания (в таких целях используют конфуцианскую интерпретацию «гармонич-

ного общества» для пропаганды жителям в провинциальных городах и пытаются привить конфуцианскую «веру» местным чиновникам), стремление к развитию провинциальных традиций и к противодействию развитию христианства³¹.

Нет очевидных фактов, подытоживает С. Бийу, которые бы демонстрировали явное обращение к конфуцианству. Поэтому ежегодные конфуцианские церемонии в Цюйфу — лишь предмет тематического исследования (case study) противоречивого проекта создания «символического города китайской культуры» в районе Цюйфу — Цзоучэн — Цзюйлуаншань³².

В связи с этим, по мнению французского профессора, развитие в КНР конфуцианской гражданской религии сталкивается с рядом проблем. Учитывая историю отношений КПК и конфуцианства, сложно вообразить, что последнее может стать сегодня «культом единения общества». Антиконфуцианские настроения до сих пор очень сильны в Китае. Но настоящий ценностный кризис может сгенерировать потребность в конфуцианских ценностях. Поэтому, с одной стороны, развитие гражданской религии может приносить пользу собственному конфуцианству. С другой стороны, если предположить превращение конфуцианской гражданской религии в политический инструмент, тогда, в итоге, это будет абсолютно контрпродуктивно³³.

Формирование гражданской религии в Китае — реально, но проблематично. Гражданская религия связана с вопросом «общей религии», представляющей диффузный набор верований и оценок, которые определяют философский, религиозный и этический универсум народа, его этос (дух). С этой точки зрения, фокус — на человеке, а не на государстве. Существует мнение, что конфуцианство можно развить до статуса «общей религии». Однако сегодня в Китае нет «общей религии», которая бы провозглашала конфуцианскую идентичность, хотя разделяемые большинством китайцев ценности — традиционно конфуцианские. Кроме этого, конфуцианская религиозность не может претворяться в жизнь в рамках профессиональных групп, церквей и т.п. Конфуцианская религиозность может развиваться в малочисленных группах, а потом распространяться в обществе. Такой неформальный путь развития конфуцианской религиозности обуславливает трудность ее распространения. Более того, для С. Бийу очевиден слабый эффект от действий конфуцианского меньшинства; у него возникают сомнения по поводу практического пути будущего развития конфуцианско-ориентированной «общей религии»³⁴.

Тем не менее, указывает С. Бийу, сакральное измерение коллективной идентификации не обязательно является преимущественным для государства, «коммунитарная гражданская религия» тоже возможна. Он полагает, что тонкая конфуцианская религиозность сегодня является ориентиром — ресурсом — не только для конфуцианских организаций, но и для других религиозных групп. Подобная религиозность позволяет легко привлечь людей, даже молодежь. Религиозное возрождение стало реакцией на индивидуализацию китайского общества. Это своего рода встречный поток, позволяющий сформировать разные формы субъективности, которые реактивируют коллективные ценности, выступающие основой развития конфуцианства. В обществе формируется конфуцианский дух, совместимый с другими формами религиозности. Появление этого конфуцианского духа является предпосылкой дальнейшей рефлексии символического выражения коллективного единения. Не исключено, что в дальнейшем этот процесс может стать побочным продуктом политических манипуляций³⁵.

Не претендуя на законченность данной темы исследования и предполагая продолжение научных изысканий в указанном направлении, все же сделаем некоторые выводы.

Концепция гражданской религии, ставшая популярной во второй половине XX в. благодаря американскому социологу Р. Белла, сегодня приобретает свое значение и для китайского социума.

Гражданская религия в Китае, базирующаяся на конфуцианских принципах, должна стать своего рода историческим продуктом нравственно-духовного и социополи-

тического развития китайского общества. Гражданская религия призвана выразить общие убеждения, ценности, символы, ритуалы и определить религиозное измерение общественной жизни, в том числе политической.

Влияние религиозных верований на общественную и политическую сферу огромно, религии представляют собой важный фактор, способный дать народу полную общность интересов, чувств и мыслей. Гражданская религия в Поднебесной способна стать основой консолидации светского общества и породить сильные чувства общенациональной солидарности, духовно мобилизовать всех граждан в рамках единой китайской нации. Гражданская религия в Китае, вероятно, — это то, чего действительно следует ожидать.

1. В рамках «политики открытости» были сформированы идеологические выводы и в отношении религии. Произошли изменения в интерпретации религии, стало возможным системное и специализированное развитие религиоведческой науки. Подробнее см.: *Забияко А.А., Хаймурзина М.А.* Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая пол. XX — начало XXI в.). Статья первая // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. 2013. № 2. С. 64–74; *Забияко А.П., Хаймурзина М.А.* Интерпретация религии китайскими мыслителями в контексте развития религиоведения в КНР (вторая половина XX — начало XXI в.). Статья вторая // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. 2013. № 3. С. 70–88. О формировании и современном состоянии религиоведческой науки КНР см.: *Филонов С.В., Ли Синь.* Формирование и современное состояние китайского религиоведения (об оценках извне и изнутри) // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. 2018. № 1. С. 126–143.
2. Жэнь Цзюй известен как философ, историк и религиовед. В 1964 г. им была создана первая в истории КНР академическая научная структура, специализирующаяся в области религиоведения, — Научно-исследовательский институт религий мира при Академии общественных наук Китая. Вплоть до 1985 г. Жэнь Цзюй оставался его директором. Подробнее см.: *Филонов С.В.* Исследования даосизма в Китае: достижения и перспективы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2012. № 1(33). С. 88; *Филонов С.В., Ли Синь.* Указ. соч.
3. *Хаймурзина М.А.* Развитие современной конфуцианской мысли в XX—XXI в.: периодизация, представители и смысловое содержание терминов // Россия и Китай: история и культура. Сб. статей и докладов участников X Международной научно-практической конференции. Казань: Академия наук РТ, 2017. С. 654–660.
4. См., например: *Забияко А.П., Хаймурзина М.А.* Понятие «религия» в трудах современных конфуцианцев // Проблемы Дальнего Востока. 2014. № 1. С. 124–133.
5. *Billioud S.* The revival of Confucianism in the sphere of mores and the reactivation of the civil religion debate in China // *Confucianism, a habit of the heart* / ed. by Ph.J. Ivanhoe, Sungmoon Kim. N.Y., 2016. P. 47–70.
6. Конфуцианская концепция *аньцинь лимин* предполагает духовное развитие человека в реальной жизни: «препорушение себя небесному Пути», «следование небесному велению» через самоличное «осознание и совершенствование [индивидуальной] природы», следование моральным истинам и нравственное совершенствование. В результате достигается соединение двух сторон — духовного умиротворения и удовлетворения посюсторонней жизнью. Подробнее см.: *Хаймурзина М.А.* Философский анализ конфуцианской религии в творчестве Лю Шусяня // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 11. С. 194–196.
7. *Billioud S.* Op. cit. P. 50.
8. *Yang Fenggang.* Confucianism as civil religion // *Confucianism, a habit of the heart* / ed. by Ph. J. Ivanhoe, Sungmoon Kim. N.Y., 2016. P. 30.
9. О связи политических лозунгов с конфуцианством см., например: Россия — Китай — 2050: стратегия соразвития // *Б.Н. Кузык, М.Л. Титаренко.* М.: Институт экономических стратегий, 2006.
10. *Хаймурзина М.А.* Интерпретация религиозных оснований конфуцианства в конфуцианской мысли и религиоведении Китая XX — начала XXI в.: дис... канд. филос. наук: 09.00.14. АмГУ. Благовещенск, 2014. 180 с.

11. *Yang Fenggang*. Op. cit. P. 25–46.
12. Подробнее см.: *Хаймурзина М.А.* Новые тенденции в официальных трактовках религии в КНР // Религиоведение. Научно-теоретический журнал. 2017. № 1. С. 49–55.
13. *Чэнь Мин*. Вэньхуа жусюэ: сыбянь юй луньбянь: [Культурное конфуцианство: размышления и споры]. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 2009. С. 74.
14. Там же. С. 47–55.
15. Там же. С. 45.
16. Там же. С. 45–49.
17. *Yang Fenggang*. Op. cit. P. 31.
18. Ibid. P. 32.
19. Такое определение религии является характерным для религиоведческой науки КНР. Оно сформировано в рамках теории «четырёх элементов религии» Люй Дацзи. Подробнее см.: *Хаймурзина М.А.* Интерпретация религиозных оснований конфуцианства...
20. *Yang Fenggang*. Op. cit. P. 35.
21. Ibid. P. 36.
22. Ibid. P. 38–39.
23. Сведения о количестве христиан (католиков и протестантов) существенно разнятся: от 23 до 80 млн верующих. Официальная статистика дает еще более скромные показатели. Подробнее о христианах в Китае см.: *Пелевина О.В.* Христианские общины в современном Китае: типология китайских религиоведов // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 1. С. 151–160.
24. *Yang Fenggang*. Op. cit. P. 40.
25. Ibid.
26. Ibid. P. 43.
27. Это может быть небольшое семейное предприятие, где хозяин/ка — ярый приверженец конфуцианства, желающий привить основные конфуцианские идеи своим сотрудникам — социалистическому поколению, лишенному основных представлений о традиционной культуре. Или это могут быть «маленькие академии» (*шу юань*), такие, как конфуцианская школа Цзян Цина, куда приходят люди разного возраста и для которых конфуцианство становится источником духовного становления и смысла жизни. См.: Billioud S. Op. cit. P. 50–51.
28. Ibid. P. 53–54.
29. Ibid. P. 55–56.
30. «Культурная революция» в КНР привела на Тайване к переоценке традиционной культуры и конфуцианских ценностей, включая сыновнюю почтительность и верность государству, а также способствовала возобновлению внимания, в частности, к «трём принципам» Сунь Ятсена. Гоминдановские лидеры обратились к конфуцианской системе *даотун*, которая позволяла проследить древнейшие истоки китайской культуры. Были введены программы, целью которых было внедрение конфуцианских ценностей. Это укрепило легитимность гоминьдановского режима. См.: Billioud S. Op. cit. P. 62.
31. Ibid. P. 62.
32. Ibid. P. 53.
33. Ibid. P. 63.
34. Ibid. P. 64.
35. Ibid.